

Л и в о н і я Х V I в ѣ к а.

И въ нѣмецкой литературѣ той эпохи, и въ народной поэзіи, подготовлявшееся московское нашествіе, со всѣми сопутствовавшими ему ужасами, изображалось какъ Божья кара. Страна въ то время дѣйствительно представляла печальное и отталкивающее зрѣлище. Орденъ переживалъ полное разореніе. Превжній воинственный духъ рыцарей исчезъ, не замѣнившись гражданскими доблестями. Обязательное безбрачіе выродилось въ разнузданный, грязный развратъ. Женщины дурного поведенія все въ большемъ и большемъ количествѣ селились около замковъ. Постоянныя оргіи и роскошь, выставляемая рыцарями напоказъ, приводили народъ къ ужаснѣйшей нищетѣ. Въ своей «Космографіи», опубликованной въ 1550 году (фр. переводъ, 1575 г., стр. 1618), Себастьянъ Мюнстеръ изъ этихъ пировъ и изъ ихъ обратной стороны—нищеты создалъ мрачную и отталкивающую картину. Проповѣдникъ того времени, Тильманъ Бракель столь же безпристрастно изобразилъ нравы высшаго духовенства, жаднаго, распущеннаго, окруженнаго наложницами и незаконными дѣтьми. Порча нравовъ въ то время была общей во всей Европѣ. Однако, этой одной причины недостаточно, чтобы объяснить разложеніе всѣхъ мѣстныхъ учреждений Ливоніи. Способствовали этому и другія причины. Съ XII вѣка Ливонія представляла парадоксальное зрѣлище нѣмецкой колоніи, преслѣдующей, по примѣру

греческихъ колоній на берегахъ Малой Азіи или Сициліи, образованіе самостоятельнаго государства безъ національной основы. Мѣстное населеніе финской и литовской расы, подчиняясь иноземнымъ господамъ, наложившимъ на него ярмо, не имѣло съ ними ничего общаго: ни языка, ни обычаевъ, ни религіи: обращенное насильно въ католичество, понуждаемое затѣмъ къ переходу въ протестантизмъ, оно оставалось либо безразличнымъ, либо враждебнымъ. Итакъ, въ Ливоніи отсутствовала точка опоры въ низахъ населенія, и не было никакой серьезной связи съ метрополіей, источникомъ направляющей власти. Императоръ сохранялъ надъ орденомъ такую же номинальную власть, какъ римскій папа надъ Церковью. Не было никакой дѣйствительной централизаціи, никакого единства. Это была постоянная борьба свѣтскихъ и духовныхъ властей изъ за границъ, плохо определенныхъ и безконечно измѣняемыхъ. Всѣ города обнаруживали общее стремленіе безъ разбора сбросить съ себя власть этихъ соперничающихъ силъ. Всюду была антоганизмъ. Отсюда *Дройзенъ* сдѣлалъ правильное наблюденіе (*Geschichte der Gegenreformation*, 1893, стр. 204), что въ то время, какъ семь нидерландскихъ провинцій изъ великой войны *viribus unitis* выносили начала новаго европейскаго государства, Ливонія распадалась *viribus dissolutis* подъ вліяніемъ центробѣжной дѣятельности своихъ разрозненныхъ элементовъ. Противъ четырехсторонней угрозы польскаго, московскаго, шведскаго и датскаго нашествій у Ливоніи не было собственныхъ средствъ. Какъ военная сила, орденъ больше не существовалъ, а чтобы собрать армію, не могло быть денегъ тамъ, гдѣ не было желанія ихъ давать. Не на что было надѣяться и извнѣ. Правда, рассчитывали въ моментъ опасности объявить себя частью Германской имперіи. Но ужъ въ теченіе 2-хъ вѣковъ Ливонія изъ-за высокоомѣрнаго и недовѣрчиваго партикуляризма требовала отъ Германіи признанія своихъ правъи вольностей. Свою поддержку предлагала и даже навязывала ей Польша. Однако, раздираемая внутренними несогласіями, ослабленная пороками своего правительства, поглощенная великимъ дѣломъ объединенія съ Литвой, Польша скорѣе вызывала страхъ, какъ врагъ, нежели обѣщала безопасность, какъ союзница. Въ 1554 году шведскій король Густавъ I хотѣлъ воспользоваться затрудненіями Ивана, связаннаго въ то время своими восточными завоеваніями. Однако, союзъ, къ которому онъ склонялъ Ливонію, Польшу и Литву, не могъ осуществиться. Онъ былъ оставленъ одинъ въ борьбѣ съ

Москвой, и долженъ былъ въ 1557 году согласиться на сорокалѣтнее перемиріе. Такимъ образомъ, несчастная Ливонія осталась безъ поддержки, лицомъ къ лицу съ четвертымъ хищникомъ, у котораго не было недостатка ни въ причинахъ, ни во внѣшнихъ поводахъ къ нападенію.

Мотивы? Въ молчаливомъ соглашеніи части Западной Европы держать на запорѣ двери, сообщающія ее съ могущественнымъ сосѣдомъ съ сѣверо-востока, Ливонскія провинціи брали на себя добровольно роль сторожа. Знаменитое дѣло Ганса Шлитта свидѣтельствовало объ ихъ усердіи въ ту эпоху. Въ 1548 году Шлиттѣ получили разрѣшеніе отъ императора Карла V вербовать въ Германіи ремесленниковъ и ученыхъ на службу царю. Тѣмъ не менѣе, этотъ саксонскій авантюристъ со всей своей компаніей были задержаны ливонцами. Самъ Шлиттѣ былъ брошенъ въ тюрьму и содержался тамъ до тѣхъ поръ, пока всѣ его люди, отъ 100 до 300 человѣкъ,—документы сообщаютъ различныя цифры,—не разбѣжались.

Другой мотивъ заключалась въ слѣдующемъ. Разъ Новгородъ былъ включенъ въ составъ Московскаго царства, завоеваніе Ливоніи для Россіи стало необходимостью. Новые господа города начали съ того, что разрушили нѣмецкую факторію—нѣмецкій дворъ. Однако, отнятая такимъ образомъ у ганзейцевъ торговля сейчасъ же перешла въ ливонскіе города: Ригу, Нарву и другіе центры, откуда Москва подвергалась эксплуатаціи. Въ этихъ вражескихъ городахъ запрещалось иностранцамъ учиться русскому языку, торговать непосредственно съ Россіей, наконецъ, въ нихъ запрещалось открывать кредитъ русскимъ купцамъ подъ страхомъ денежной пени (*Richter, Geschichte der Ostseeprovinzen 1875, II, 422*).

Каковы же были предлоги? Между ливонскимъ городомъ Нейхаузенемъ и Пековымъ издавна существовала спорная область, надъ которой Москва послѣ долгихъ споровъ добила своего рода верховенства. Ливонскіе земледѣльцы этой области должны были ежегодно уплачивать Москвѣ подать въ размѣрѣ 10 фунтовъ меда каждый. Когда начали исчезать пчелы вмѣстѣ съ истребленіемъ лѣсовъ, подать сначала была переведена на деньги—по нѣкоторымъ источникамъ въ размѣрѣ 6 ефимковъ,—а затѣмъ совершенно забыта. Въ 1503 году Москва вспомнила опять объ этой старинной подати. Требованія ея она соединила со своими притязаніями на Дерптъ, прежній русскій Юрьевъ. Въ 1554 году, непосредственно послѣ взятія Астрахани, Иванъ ко всѣмъ

этимъ поводамъ прибавилъ и болѣе недавнія обиды: нарушеніе границъ и конфискацію православныхъ церквей протестантскими фанатиками.

Въ 1556 году, упрочивъ свои новыя владѣнія на Востокѣ, царь заговорилъ болѣе рѣзкимъ тономъ. Одинъ изъ его предшественниковъ уже отправилъ однажды ливонцамъ кнута въ качествѣ предостереженія. Царскій посоль, видимо, вдохновился теперь этимъ прецедентомъ. Подать въ 10 ф. меду или въ 6 ефимковъ въ его устахъ превратилась въ оброкъ, равный одной маркѣ съ души населенія. Что же касается требуемой недоимки, то она поднялась до 50.000 ефимковъ! Епископъ дерптскій пытался вывернуться изъ затруднительнаго положенія дипломатическими средствами. Обѣщая заплатить все, онъ поставилъ исполненіе обѣщанія въ зависимость отъ одобренія германскаго императора, которому ливонцы одновременно съ этимъ писали, не трудно догадаться, въ какомъ духѣ. Посоль Терпигоревъ сдѣлалъ видъ, что ничего не понимаетъ въ этой хитрости. «Какое дѣло моему государю до Кесаря? говорите прямо, будете вы платить или нѣтъ?» заявилъ онъ. вмѣсто денегъ ему прислали объяснительное письмо для Ивана. «Ого»,—воскликнулъ онъ, пряча заботливо документъ въ шелковый платокъ, «надо беречь этого теленка, чтобы онъ выросъ и разжирѣлъ!» И приказавъ подать выпить изумленнымъ представителямъ города, онъ весело началъ прыгать, вскакивая на столы. Испуганную представители города сослались на то, что невозможно въ нѣсколько дней собрать такую значительную сумму. Ладно! Въ кладовыхъ ратуши есть 12 бочекъ денегъ...

Можетъ быть! Но ключи отъ кладовыхъ находятся не только въ ихъ рукахъ. Одинъ ключъ въ Ригѣ, другой принадлежит Ревелю...

Хорошо, хорошо! Если они не хотятъ дать денегъ, царь придетъ за ними самъ!

И царь, дѣйствительно, готовъ былъ притти. Развѣ Макарій не сравнилъ его съ Александромъ Невскимъ послѣ завоеванія Казани? Иванъ былъ задѣтъ за живое этой лестью, и хотѣлъ оправдать ее, идя по стопамъ національнаго героя. Онъ вновь избралъ тотъ путь, оставить который въ XIII столѣтіи вынудила русскихъ необходимость защищаться противъ татарскаго востока. Но времена перемѣнились. вмѣстѣ съ Польшей, Швеціей и Даніей въ эту борьбу теперь должна была вмѣшаться вся Европа. Даже Испанія въ своей мечтѣ о всемірной монархіи, стремясь завладѣть и далекимъ Сѣверомъ и

Зундомъ, оспаривая у Даніи союзъ съ Маріей Стюартъ, претендовала на вмѣшательство.
